

*Ольга Старовойтова,
член Международного союза журналистов*

Книги по достоинству уже оценены

Предисловие

Все-таки великое это дело – коллективный труд. В 1994 году благодаря помощи многих отзывчивых людей автору довелось собрать по крохам сведения о жизни одного из видных членов Латвийского общества Рерихов Александре Ивановиче Клизовском. Статью под заглавием «Книги мои по достоинству еще не оценены» в трех номерах (26.07 и 2 и 9.08. 94) опубликовала редакция газеты «Ригас Балсс». В ту пору о деятельности одного из первых рериховских обществ в мире было известно крайне мало: многие из тех, кто изучал тогда «Живую Этику», сложили головы в застенках тюрем и концлагерей. За подобную «контрреволюционную деятельность» в первый день войны арестовали и позже отправили по этапу в далекий город Петропавловск, что в Казахстане, и Александра Ивановича Клизовского. Сегодня, спустя 18 лет, к тому журналистскому расследованию благодаря помощи друзей добавились и новые факты. Публикуем к памятной дате первоначальный вариант статьи, данный в небольшом сокращении и с исправлением ошибки (в статье от 2.08.94 г. в письме г-жи Бургеле вместо года 1913 нужно читать 1931) с послесловием автора.

«Книги мои по достоинству еще не оценены»

Часть 1-я. Начало, 26.07.1994 г.

Воистину, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». В тот давний январский вечер мы даже помыслить не могли, во что выльется беседа о человеке, книги которого перевернули жизнь нам обеим. Моя собеседница, старая рериховка Ольга Александровна Катенева-Неймане, прожила долгую жизнь - ей 86 лет. Но, несмотря на столь почтенный возраст, ей, как и в молодости, по-прежнему присущи живость и ясность ума, из глаз исходят потоки света, а чувство юмора неизменно приводит близких в восхищение. В любой, даже самой трагической ситуации, а ей доводилось сидеть за свои убеждения и в знаменитом Рижском центре во времена немецкой оккупации, и позже, в лагерях Воркуты, она умудряется находить смешные моменты.

Так случилось и в этот раз, хотя речь шла о серьезной, в общем-то, теме – о том, как люди приходят к вере. Ольга Александровна вспомнила вдруг забавный эпизод своей молодости – тогда, в середине 20-х годов, она училась в женской гимназии Лишиной. И, увлекшись, стала рассказывать столь выразительно, что я, казалось, воочию увидела добрейшего батюшку, преподававшего Закон Божий как у них, так и в мужской гимназии Ломоносова. Влюбленные гимназисты и гимназистки нашли оригинальный способ общаться между собой. И батюшка, долгое время пребывавший в неведении, невольно «служил» почтальоном, переноса в своих видавших виды калошах любовные записки из одной гимназии в другую. Сие деяние обнаружилось случайно, когда какой-то озорник,

несясь сломя голову, задел стоявшие у порога калоши. Те перевернулись, стельки выпали, и перед изумленной публикой предстали аккуратно свернутые трубочкой листки. Батюшка только руками развел...

Гимназисты его очень любили, но, как и их сверстники во все времена, подчас забывали прочесть заданную главу из Святого Писания. И тогда, дабы избежать заслуженной кары, шли на хитрость, попросту заговаривая батюшке зубы. Чаше всего это "ответственное" поручение возлагалось на бойкую на язык Олю. Она тянула руку вверх, и, получив разрешение говорить, серьезно так вопрошала:

- Про взрослых грешников нам все понятно - они идут в ад. А скажите, батюшка, почему Бог младенцев наказывает? Иные только на свет появились - и сразу умерли, не успев согрешить.

- Бог многомудр, чадо, - серьезно так отвечивал батюшка - Он знает, как согрешил бы этот младенец, если бы прожил лет двадцать.

- Меня, конечно, такой ответ никак не устраивал, - смеется Ольга Александровна. - Я не унималась, и наш добрейший батюшка терпеливо вразумлял, пока, на радость гимназисткам, не звучал звонок. Позже батюшка тоже оказался в лагерях. Мне рассказывали, что вместе с ним сидели ксендз и раввин. Общая беда примирила священнослужителей разных конфессий, и когда кто-то из заключенных покидал этот мир, молитвы за упокой души читали все трое. Но однажды пробил и их час. Первым ушел наш батюшка, и от этой утраты тяжело заболел и слег ксендз. Отходную служил разом сникший от горя раввин...

Мы помолчали. А потом я вновь спросила: «И все-таки вы, убежденная атеистка, стали глубоко верующим человеком. Как это произошло?»

- В 1937 году общество Рериха в Риге организовало выставку картин Николая Константиновича Рериха, - начала она свой неспешный рассказ. - Родители, конечно, были рады встретиться с Индией. (Отец О.А. Катеневой-Неймане долгое время служил в Индии дегустатором чая, а мама была художницей, ученицей Вильгельма Пурвита, известного латышского художника - *О.С.*). Новых картин Н.К. Рериха они не знали, но вообще художник был у нас в доме в большом почете. Пошли всей семьей. Мужчины ушли раньше, а мы с мамой бродим-бродим от одной картины к другой и тихонько переговариваемся. Чувствовалось, что, помимо внешней красоты, в этих картинах имеется какой-то смысл, но мы его не улавливаем. И вдруг к нам подошел один из молодых членов общества Александр Марков. Завязалась интересная беседа, и мама пригласила его в гости. Он пришел через два дня, принес первую книгу Александра Ивановича Клизовского «Основы миропонимания Новой Эпохи» и сказал: «Вот, почитайте». Я проглотила ее залпом, и когда Марков пришел в следующий раз, спросила: «Могу ли я поближе познакомиться с данным Учением».

- Конечно, - ответил он. - Автор книги живет в Пардаугаве. Вот адрес... Только идти вы должны одни.

И я, преодолев стеснительность, поехала. Навстречу вышел человек высокого роста, определенно военный, с небольшой черной бородкой. (Впоследствии я узнала, что эта бородка скрадывала полученное на фронте ранение). Пригласил войти в кабинет, усадил и поинтересовался, какое у меня дело. Я ответила, что его книга произвела на меня сильное впечатление, внеся ясность во все мое мировоззрение.

- А как вы восприняли инкарнацию?

- Стопроцентно. Перевоплощение объясняет смысл существования человека, его эволюцию, ответственность за свои поступки. Что сам посеял, то и пожнешь.

- А Иерархию?

- Тут мне надо хорошенько подумать. Но если уж приму, то навсегда.

Он улыбнулся и, видимо, уловив мой московский говор, вновь спросил:

- Вы родились в Москве?

- Нет, в Индии, в Чанданагоре, штат Пондишери. В Москве довелось жить ребенком, во время революции.

Александр Иванович заинтересовался и искренне так сказал: «Какие у вас две прекрасные родины - Индия и Россия».

Мало-помалу завязалась очень непринужденная беседа. Прощаясь, он написал записку Рихарду Яковлевичу Рудзитису, который тогда возглавлял общество, и тот записал меня в младшую группу. Так я начала изучать Агни Йогу, за что вместе с другими рериховцами была репрессирована и выслана в Воркуту. Мы опять помолчали, а потом я спросила о судьбе Александра Ивановича.

- Мы не знаем, - ответствовала Ольга Александровна. - Ходили, правда, слухи, что в войну его расстреляли в Рижском центре, но верны ли они?

Прошло несколько лет, настало время духовной свободы, и никому, по счастью, в голову больше не приходит отправлять людей в тюрьмы только за то, что они верят в Бога, Высший Разум или во что-то еще. Издательство "Виеста" напечатало "Основы миропонимания Новой Эпохи" в трех томах стотысячным тиражом, и их как ветром сдуло с прилавков. Сделали допечатку, перевели на латышский - результат тот же. И все чаще благодарные рериховцы государств бывшего Союза на различных конференциях задавали рижанам вопрос: «Скажите, каким был этот человек в жизни, как он подошел к Учению, когда родился и умер, где похоронен?» Отвечать нам, увы, было нечего.

В тот благословенный зимний вечер меня вдруг осенило:

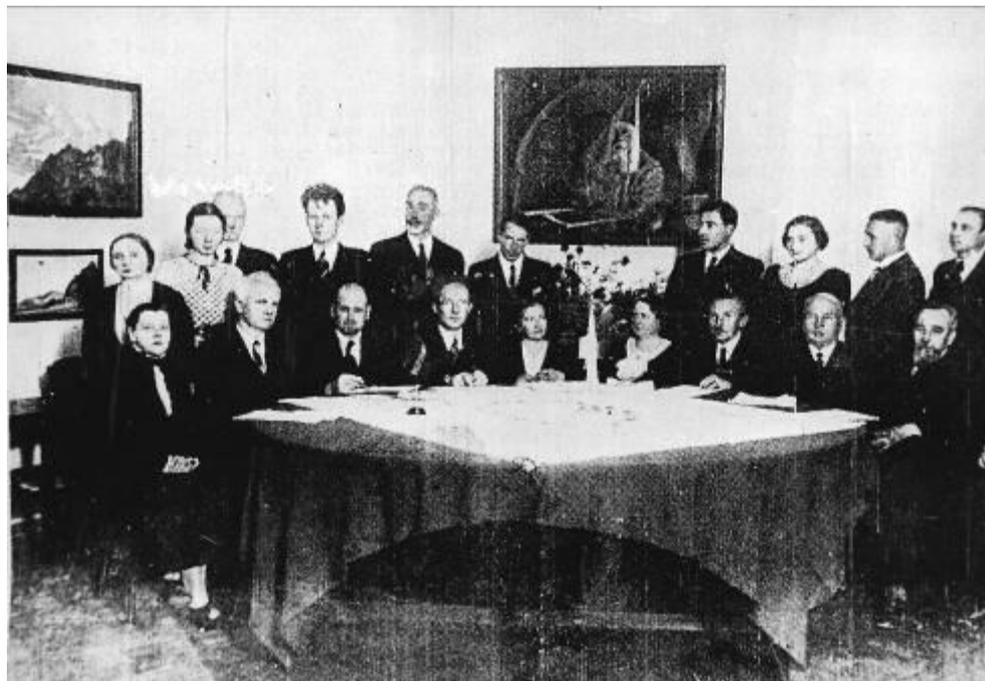
- Ольга Александровна, у вас, случайно, нет фотографии Клизовского?

- Есть, - сказала она и достала старый альбом. - Вот. Александр Иванович - пятый слева во втором ряду. Четвертый слева - Гаральд Феликсович Лукин, а перед Клизовским - Рихард Яковлевич Рудзитис. Тут же, за столом, первая слева сидит Екатерина Яковлевна Драудзинь... - Она продолжала называть по именам тех членов старого общества, которых хорошо помнила.

- А что если дать ее в газету?

- Да полвека с войны прошло. Вряд ли кто-либо из его современников остался жив... - засомневалась она.

- Ну, а вдруг?

Вот с этой старой фотографии из архива О.А. Катеневой-Неймане, опубликованной спустя полвека после окончания войны, все и началось. А.И. Клизовский – во втором ряду пятый слева.

Так 25 января с. г. (1994 г.) упомянутая фотография появилась на газетной полосе. И произошло чудо... Первой откликнулась госпожа Шичко: «Мой отец, Максимилиан Новицкий, был близким другом Александра Ивановича...». Потом позвонила госпожа Рейнице: «Мы с братом детьми играли с дочкой Клизовского, Ирой...». А вслед за ней госпожа Пимберг: «Наша семья жила в его доме, и мама помнила, как хозяина забрали работники НКГБ...». И чуть позже – госпожа Наркевич, которая и сегодня все еще живет в этом доме: «Я разыскивала Иру Клизовскую после войны, писала в Красный Крест Германии, куда они уехали с матерью, но безрезультатно...»

Потом были письма читателей, многочисленные беседы с разными людьми, на основе которых велись поиски. Например, в одной из них промелькнула информация, что дом Клизовского проектировал архитектор, по проекту которого построен кинотеатр в Пардаугаве «Гранд палас». В кругу единомышленников мы обсуждали все детали, за которые, как за ниточку, можно было бы ухватиться. К сожалению, особенно похвастаться оказалось нечем – время на всем оставило свой разрушительный след. Поэтому самым большим подарком оказалось сообщение писателя Юрия Ивановича Абызова, по крупицам собирающего сведения о судьбах русской интеллигенции в Латвии. «В прокуратуре республики хранится дело, заведенное на Александра Ивановича Клизовского, – сказал он. – Я держал его в руках пару месяцев назад».

Дальнейшее было уже делом техники. Сегодня, благодаря любезности и помощи заместителя генерального прокурора республики господина Стрелиса и следователя по особо важным делам управления по расследованию преступлений тоталитарных режимов госпожи Стабулнице, ксерокопии документов полувековой давности займут свое место в музее. А мы услышим историю жизни Александра Ивановича Клизовского, рассказанную большей частью им самим.

«Книги мои по достоинству еще не оценены»

Часть 2-я. Продолжение, 2.08.1994 г.

Я, Клизовский Александр Иванович, родился 2 января 1874 года в городе Сувалки (Польша). Родители из крестьян Гродненской губернии. Отец служил при Николае I в 14-м уланском полку штабным трубачом. По выходе в отставку занимал должность акцизного надзирателя в г. Сувалках и его окрестностях.

Учился в сувалкской гимназии, но курса не окончил по недостатку средств. Выдержал специальный экзамен для поступления на военную службу вольноопределяющим. Поступил на военную службу в 19-й стрелковый полк в 1891 году.

В 1893 году поступил в военное училище в г. Вильно, которое окончил в 1895 году. Вышел в полк, стоявший в Риге, где служил до начала мировой войны. За это время дослужился до чина капитана. Будучи человеком без связей, без средств, я знал, что большого продвижения по службе сделать не смогу, и единственным средством продвинуться по службе для меня было окончить академию генерального штаба. Я задался целью окончить академию. Несколько лет готовился, но такие препятствия, как болезнь, а затем русско-японская война, задержали осуществление этой цели. Я был отправлен для держания предварительного экзамена в г. Вильно только в 1906 году, во время происходившего в Латвии революционного движения. Перед самым моим отъездом в Вильно от меня ушел мой вестовой (далее в тексте неясное слово - О. С), унеся с собой два моих револьвера. Я доложил об этом по начальству и уехал.

Когда я окончил экзамены и выдержал первым, то получил приказание вернуться в полк. Вернувшись в полк, я узнал, что мой вестовой арестован, что он был причастен к революционному движению. И распоряжение о моем возвращении в Ригу было сделано начальником дивизии, который распорядился также к дальнейшему экзамену в г. Петрограде меня не допускать. Я пошел к нему объясняться, но, увидев бесполезность моих доводов и объяснений, решил подать на него жалобу командиру корпуса. Командир корпуса не обратил никакого внимания на мои объяснения, а за подачу «безосновательной жалобы» приказал посадить на две недели под арест. Тогда я решил идти дальше и подал жалобу на командира корпуса командующему войсками. Но и он оказался предупрежденным, и моей жалобе не придал никакого значения.

4) Никакого дохода. И тогда
имущество с тем, чтобы привести его в
год 2 с того диньт. Я работал на 14-15
досов в чужие дома без помощи и
мне работал, но платят было не по
исполнени все работы сам и работая как
тик, маляр, столяр, кровельщик, штукатур
сауновик и так далее. Я носил на себе
экономическую материю с диньт и
год, чтобы сделать лишняя диньт. И неко-
леть я работал в порядке квартира и
много с диньт и диньт и диньт с диньт
диньт. И тогда время диньт и диньт
мне в своем смысле. И тогда
но диньт диньт сам диньт. И тогда
Книга "Основы международной войны"
вышла в 1934, вторая книга - в 1936
третья книга в 1938 г.
С наступлением кризиса диньт и диньт
все труднее. Работать диньт диньт
баранкивание, 15 лет я работал с
диньт; в конце концов из диньт
лучший результат и, оставив себе диньт
участок, все продать и на вырученные
расстроить дом, который был
тайн средства к существованию. Такая
была история в 1939 год, но в следующую
году на Западном фронте все же
сми был национализирован.
Таким образом я два раза в своей жизни
был из диньт и диньт как материю
как и диньт и диньт, которая в диньт

Четвертый лист автобиографии А.И. Клизовского

Время было упущено. Вместо академии я был посажен на две недели под арест и (шанс) был потерян. В течение года был суд над группой революционеров, в которой участвовал (в качестве) свидетеля. Суд показал начальству, что я в этом деле не замешан, между тем, я не был допущен в академию потому, что начальство подозревало меня в участии в революции. После этого я еще два раза ездил держать экзамены в Вильно и в Петроград. В Вильно я выдержал, но в самой академии меня проваливали, и, как мне стало известно впоследствии, лишь потому, что я подавал жалобы на высокое начальство.

В самом начале мировой войны в 1914 году я был ранен и взят немцами в плен. В плену пробыл 4 года и 4 месяца. По возвращении из плена вернулся в Ригу, где у меня была оставлена квартира со всем имуществом. Все оказалось разграбленным немцами. Кроме того, я лишился также всех прав, приобретенных прежней службой. Имея пятый десяток лет, пришлось начинать жизнь снова. А так как я

не знал государственного языка, то не мог получить места, и пришлось взяться за поденную работу. Вскоре я сделался маляром и несколько лет занимался малярными работами. Потом я женился. У моей жены было недвижимое имущество по улице Кулдигас (название улицы в тексте написано по-латышски - О.С), состоявшее из сада и нескольких малых и старых деревянных домиков. Оно было разорено войной, было в запущенном состоянии и не приносило никакого дохода. Я взял на свои плечи имущество с тем, чтобы привести его в порядок и с этого жить. Я работал по 14 - 15 часов в сутки один, без помощников и наемных рабочих, ибо нанять было не на что. Исполнял все работы сам и работал как плотник, маляр, столяр, кровельщик, штукатур, садовник и так дальше. Я носил на себе строительный материал с ближайших заводов, чтобы сберечь лишний лат. В несколько лет я привел в порядок квартиру, и мы могли с женой и приемной дочерью с этого жить. В свободное время я занимался изучением восточной философии и начал писать по этим вопросам книги. Первая моя книга – «Основы миропонимания Новой эпохи» - вышла в 1934 г., второй том – в 1936 г., третий том в 1938 г.

С наступлением кризисов жить становилось все труднее. Ремонты старых домиков не оправдывались. 15 лет я промучился с ними, в конце концов, их пришлось сломать, грунт разделить и, оставив себе небольшой участок, все продать, а на вырученные деньги построить большой дом, который мог бы давать средства к существованию. Такой дом был построен в 1939 году, но в следующем году по занятию Латвии советскими войсками был национализирован. Таким образом, я два раза в своей жизни выбился из нищеты и создал как материальные, так и духовные ценности, которые в настоящее время еще не оценены».

На этом месте прервем автобиографию, написанную рукой самого автора (стилистика текста оставлена без изменения – О.С.) и дополним рассказ деталями, сохранившимися в памяти рижан. Им было в ту пору семь-четырнадцать лет, но дети запомнили и свои впечатления, и рассказы родителей.

Супруга Клизовского, Альма Георгиевна Риббе, родом из прибалтийских немцев, была старше его на девять лет. Была она темноволосой, невысокого роста, ровного нрава и отличалась большим трудолюбием. Как и когда они познакомились, рижанки не знали. Поэтому предположили, что, возможно, когда один из ее ветхих домиков потребовал ремонта, кто-то порекомендовал Александра Ивановича как мастера на все руки. Зато они помнили, что предложение он сделал ей вполне в офицерском духе - с места в карьер. Однажды, как позже рассказывала госпожа Альма соседке, она шла по улице, спеша куда-то, Александр Иванович, завидев ее, догнал и сказал: «Не могли бы вы стать моей женой?». От такого кавалерийского наскока она слегка опешила, но быстро нашлась и ответила в том же духе: «Хорошо, но только сразу». Спустя какое-то время они поженились, видимо, это произошло в середине двадцатых годов. Оба в ту пору были уже немолодыми людьми. Трудно сказать, вынашивали ли супруги мысль взять в дом ребенка, или же она возникла спонтанно. Известно лишь, что у госпожи Новицкой умерли знакомые, и их дочь Глафира попала в детский дом. Госпожа Шичко уверяет, что девочка родилась 14 декабря 1923 года, и в 1929 году, когда ее удочерили, ей было шесть лет. Остальные очевидцы тоже сходятся на этой дате рождения девочки. Но почему-то в анкете арестованного Александр Иванович указал год рождения приемной дочери как 1914.

Этот портрет Александр Иванович сделал
по просьбе Е.И. Рерих

Как бы там ни было, но в доме, наконец, появился ребенок. К Глафире, которую в семье называли Иррой, прибегали играть соседские дети. Со взрослыми им разговаривать почти не приходилось, но кое-какие детали детский взгляд зафиксировал прочно. Например, выдержанность и доброжелательность Александра Ивановича. Поскольку к нему, члену Совета тогдашнего общества Рериха, приходило много посетителей, квартира на первом этаже специально имела два выхода, чтобы не мешать семье. Он встречал людей сам, всегда подтянутый и опрятный, вел их в библиотеку и подолгу о чем-то беседовал. Иногда дети слышали, как он говорил: «Тетя Саша пришла, пора работать». Кто была «тетя Саша», выяснить не удалось. Известно только, что эта пожилая женщина помогала Клизовскому в работе над рукописью.

Жили супруги очень скудно, в основном на доходы от сдачи квартир внаем и на то, что удавалось выручить от продажи клубники, груш, яблок из собственного сада. Госпожа Шичко запомнила, что Клизовский иногда приходил к ее родителям с корзинкой фруктов в руках. Одно время, видимо, с деньгами полегчало, потому что супруги приобрели красивую мебель. Потом снова пришлось затянуть пояс потуже – дети услышали, как однажды Александр Иванович попенял жене за то, что она купила большой батон – хлеб они пекли сами. Спустя какое-то время мебель из дома вывезли – платить за нее оказалось нечем.

Из письма госпожи Бургеле:

«Я жила в доме Клизовского с 1931 по 1938 год. В то время Клизовские жили по ул. Грегора, 1. У них была приемная дочь Глафира. В дом №47 по ул. Кулдигас

Клизовские поселились в 1938 году, и от них мы переехали в другое место. В последний раз с семьей Клизовских встречалась 3 августа 1939 года. В моей памяти (мне было тогда семь лет) они остались как очень приветливые, хорошие люди. Александр был господин высокого роста с седыми волосами, он целыми днями сидел за пишущей машинкой. Госпожа Альма очень любила цветы, у нее было много кактусов. Глафире надо было учиться игре на фортепиано, но ей это не очень нравилось. Глафира ходила к учительнице музыки, которая жила на втором этаже коричневого деревянного дома на углу улиц Маргретас и Валентинас...».

Так в повседневных делах и заботах мирно текла жизнь этих людей. На Пасху, Рождество и семейные праздники приезжали друзья – Максимилиан Новицкий, владелец мастерской искусственных цветов, с супругой и дочерью, и бухгалтер пивзавода «Варпа» с семьей, фамилию его узнать не удалось. Иногда по выходным Клизовские и Новицкие выезжали на взморье, гуляли по берегу моря, беседовали. Об Учении Александр Иванович в присутствии посторонних никогда не говорил, и на какие темы он писал книги, дети не знали. Просто о чем-то писал и все. Каким образом он подошел к Живой Этике, в каком возрасте это произошло, как он оказался в числе ближайших сподвижников Рихарда Рудзитиса, к сожалению, пока осталось невыясненным. Фотографироваться, как и многие рериховцы, он не любил. И эта фотография из архива Екатерины Драудзинь, которую любезно предоставила искусствовед Инга Каркляня, дошла до нас по чистой случайности. Елена Ивановна Рерих просила присылать ей в Индию карточки всех членов Общества. И Александр Иванович, глубоко почитавший ее как своего Гуру (Елене Ивановне он посвятил свои книги), конечно же, отказать не мог.

«Книги мои по достоинству еще не оценены»

Часть 3-я, окончание, 9.08.1994 г.

Ольга Александровна Катенева-Неймане с огромным интересом знакомилась с результатами журналистского расследования. И вспоминала все новые и новые детали:

- Однажды в Обществе советско-латвийской дружбы, кажется, осенью 1938 года, устроили вечер. Представители постпредства рассказывали, как там, в России. Мы сидели за столиками, слушали, пили чай. Вдруг объявили танцы. Александр Иванович подошел ко мне и пригласил на вальс. Я так изумилась, что не смогла этого скрыть, пролепетав что-то вроде: «А разве вы танцуете?». Клизовский улыбнулся, он, конечно же, сразу понял, что моя растерянность происходит от почитания иерархического начала. Не то, что в нынешнее время, – добавила она в сердцах. (Старая рериховка пристально следила за бурными событиями 1992-1994 годов, развернувшимися по поводу рериховского наследия, и горой стояла за МЦР – О.С.). Потом продолжила: «И сказал: «Ну, не будем строить из себя сверхчеловеков. Пойдемте, потанцуем». И мы сделали тур вальса.

Есть еще один момент, который очень хотелось бы прояснить. Напротив дома Клизовского, на той же улице, в доме № 50, жила Зента Мауриня - потрясающая женщина, которая боготворила Прометея, любила Парацельса, прекрасно знала Достоевского и тоже серьезно изучала философию Востока. Ее взгляды разделял и супруг, Константин Раудиве. Мало кто знает, что этот одаренный человек, уже, будучи в Германии, одним из первых ученых сумел записать на пленку голоса из Тонкого мира... Связывало ли этих людей что-либо еще, помимо обычного соседского приветствия? На мероприятиях, проводимых Латвийским обществом Рериха, г-жа Мауриня иногда бывала ...

Но продолжим наше повествование. После относительно спокойных времен президента Карлиса Ульманиса началась вторая мировая война, и все пошло вкривь и вкось. По радио рижан попросили замаскировать окна, чтобы дома не служили мишенью для бомбежек.

– Моя мама занавесила окно чем-то темным, включила свет и спустилась во двор посмотреть, не видно ли чего, – вспоминает госпожа Цимберг. – В этот момент (дело было к вечеру 23 июня 1941 г.) к дому подъехала машина, из нее вышло несколько человек, и один из них спросили у мамы: «В какой квартире живет Клизовский?». Растерявшись, она пролепетала: «В первой». Они прошли туда, и больше Александра Ивановича мы не видели. Мама всю жизнь переживала, вспоминая эту сцену, чувствовала себя виноватой

...Однако ее вины в этом не было совершенно – Александр Иванович совершенно четко знал, что его арестуют. Примерно за две недели до этого он просил своего друга об одной услуге, на случай, если его возьмет Национальный Комитет по госбезопасности – как-никак когда-то этот пожилой человек служил офицером в деникинской армии. Но прятаться не стал...

О дальнейшей его судьбе вплоть до 20 апреля 1942 года, когда оперуполномоченный УНКВД по Северо-Казахстанской области Ниедрэ «нашел, что в личном тюремном деле Клизовского имеется постановление на арест без санкции прокурора, из которого видно, что Клизовский за контрреволюционную деятельность арестован 23 июня 1941 года НКГБ Латвийской ССР. Следственное дело на эвакуационного <...> не поступило», и постановил «завести следственное дело и принять его к своему производству» ничего не известно. После пребывания в Рижском центре его отправили по этапу в общую тюрьму № 22 г. Петропавловска в Казахстане. Там он и пребывал до тех пор, пока гэбэшники сподобились, наконец, изобразить видимость закона. Спасибо им, что хоть так, потому что благодаря этой тоненькой папке мы имеем сегодня уникальные документы.

Из материалов уголовного дела.

В тюрьме № 22 Александр Иванович провел всего 11 дней.

Через девять дней, 29 апреля 1942 года, Александр Иванович Клизовский был помещен в тюремную больницу, где и умер от сердечной недостаточности - в деле есть заключение врача.

Жене и дочери дали неверную информацию – будто бы его расстреляли в Рижском центре. Спустя неделю в Ригу вошли немцы. Поскольку Альма Георгиевна была немкой, Глафиру взяли работать на немецкую биржу. Летом 1944 года стало ясно, что немцам

придется покинуть Латвию. Что могли ожидать две беспомощные женщины, муж и отец которых расстрелян за «контрреволюционную деятельность», от прихода советских войск? И они решили уехать в Германию с последними пароходами.

Накануне отъезда Глафира зашла проститься с друзьями детства. Она навестила Лидию Рейзнице, которой оставила на память свои фотографии, Галину Шичко, попрощалась с близкой подругой Ириной Наркевич и пообещала сразу же дать о себе знать.

Однако вестей от нее больше не было. Только откуда-то пришел слух, что Альма Георгиевна не выдержала выпавших на ее долю страданий и почти сразу же умерла. О судьбе Глафиры информации нет. В 1989 году документы Клизовского прислали в Ригу, и, естественно, его реабилитировали – уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления...

Из Уголовного дела. Окончание биографии

Что касается моей службы в Красной армии и в белой, то мое участие в них было и непродолжительным, и незначительным. В Красной армии я служил в течение трех месяцев на курсах всеобщего военного обучения в Киеве как военный руководитель. Но так как эти курсы вскоре были расформированы, а я во время ликвидации их болел воспалением легких, то мое участие этим и ограничилось.

По занятии Киева белыми войсками всем бывшим офицерам приказано было регистрироваться. Так как я политикой вообще никогда не занимался и считал своим долгом быть лояльным к любой власти, то исполнил и это требование новой власти. Но в белую армию старых офицеров принимали неохотно. Там служили молодые, которые почти все были полковниками, и они не хотели лишаться своих командных должностей. Из бывших старых офицеров были сформированы караульные батальоны, которые несли караульную службу и поддерживали в городе порядок. Но в Киевском караульном батальоне я пробыл около двух месяцев и перешел на службу в г. Черкассы на должность помощника командира государственной стражи. Здесь я прослужил тоже около 2-х месяцев. Отступавшая через Черкассы белая армия грабила население, (командир) не мог по недостатку сил ничего сделать. Один раз начальник стражи приказал мне собрать стражников и остановить грабежи населения. Набрал 6 человек, я отправился на улицу, где происходил грабеж. Грабила целая команда, человек 50, заходили в дома, брали то, что им было нужно, клали на подводы и ехали дальше. Увидев меня, сказали: «Вы что, пришли жидов спасать? Уходите, а то расстреляем». Мои стражники разбежались, и мне пришлось уйти. <...> По эвакуации из Черкасс и по приезде в Одессу мне снова пришлось служить в караульном батальоне. Отступление белых продолжалось дальше, за границу. Наше начальство, имея уже билеты на пароход, твердило, что мы должны поддерживать порядок до последнего момента. Но большинство офицеров, служивших, как и я, в караульном батальоне, предчувствуя катастрофу, на службу не явились. В день наступления Красной армии в Одессу на службу прибыли только я и еще два человека, остальные разбежались. Этим мое служение в белой армии закончилось.

Таким образом, я хотя и служил в белой армии, но моя служба была такого рода, что я никогда активного участия в борьбе против красных сил не принимал и сознательно этого избегал».

Вот, собственно говоря, и все, что удалось выяснить на сегодняшний день. Правда, во мне теплится надежда, что судьба еще явит нам свою благосклонность. В один прекрасный день вдруг раздастся телефонный звонок, или же все произойдет как-то иначе. Собственно, это не столь важно. Главное в другом - Александр Иванович Клизовский знал, что настанет время, когда книги его будут по достоинству оценены. И благодарные потомки проявят неподдельный интерес к людям, которые в те далекие трудные годы в бедности, практически в одиночестве, непонятые своим окружением, работали ради будущего нашей планеты. Для них он оставил свои записки, которые передал кому-то на сохранение. Но кому?

Издания книги А.И.Клизовского
«Основы миропонимания Новой Эпохи»
из научной библиотеки Международного Центра Рерихов

Публикуется по: газета «Rigas Balss», 26 июля, 2 и 9 августа 1994 года.

[На главную страницу](#)